

КРИМИНАЛЬНЫЕ ПРАКТИКИ В ПОВСЕДНЕВНОЙ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ ЖИТЕЛЕЙ СОВЕТСКОГО ГОРОДА ПЕРИОДА НЭПА

Блонский Леонид Владимирович

К.и.н., доцент, Российский университет транспорта
(МИИТ) (г. Москва)
leonidas78@inbox.ru

CRIMINAL PRACTICE IN THE DAILY REALITY OF THE RESIDENTS OF THE SOVIET CITY OF THE NEP PERIOD

L. Blonsky

Summary. The subject of the research is criminal practices in the daily reality of the Soviet city of the 1920s. Using archival documents and periodicals of the NEP era, the author reveals the causes and features of a significant increase in offenses in the Soviet city, the period under review. Among the factors that provoke the widespread development of crime in the 1920s, can be called, swept the country homeless, insufficient police funding, municipal and household devastation in the cities. The author chose the city of Saratov as the object of research. The urban environment of Saratov can be considered as an ideal model of a large Soviet city of the NEP period. New archival documents and periodicals of the 1920s are introduced into scientific circulation.

Keywords: The Soviet government, crime, homelessness, vandalism, destruction, theft, brothels, the police, the 1920s the years, of the NEP.

Аннотация. Предметом исследования являются криминальные практики в повседневной действительности советского города 1920-х годов. Используя архивные документы и периодические издания эпохи нэпа, автор выявляет причины и особенности значительного увеличения правонарушений в советском городе, рассматриваемого периода. Среди факторов, провоцирующих широкое развитие криминала в 1920-е годы, можно назвать, захлестнувшую страну беспризорность, недостаточное финансирование милиции, коммунально-бытовую разруху в городах. В качестве объекта исследования автор выбрал город Саратов. Городская среда Саратова может рассматриваться в качестве идеальной модели крупного советского города периода нэпа. В научный оборот вводятся новые архивные документы и периодические издания 1920-х годов.

Ключевые слова: Советское государство, криминал, беспризорность, хулиганство, разруха, воровство, притоны, милиция, 1920-е годы, нэп.

Повседневная жизнь как объект исследования в отечественной историографии — относительно новое направление. По сравнению с изучением особенностей исторического развития традиционных сфер общественной жизни (политической, экономической, культурной, социальной), повседневная жизнь «маленького человека», в течение длительного времени не удостоивалась внимания академической науки. Советская историческая наука, находящаяся под давлением марксистской идеологии, уделяла внимание преобладающей роли экономических факторов в развитии государства и общества, а повседневные аспекты жизни «маленького человека» старалась не замечать.

Отечественная школа повседневности начинает формироваться под воздействием социально-экономических и политических изменений, происходивших в нашей стране на рубеже 1980–1990-х годов. Утрата монопольной роли марксистской точки зрения на исследование истории, позволила сформировать новые подходы и научные школы, в рамках которых особое внимание стали уделять, в том числе, повседневной жизни

общества [12]. Особое место среди этих работ занимают исследования, посвящённые повседневной жизни советского общества эпохи нэпа [3, 4, 7].

Ухудшение криминогенной обстановки в 1920-е годы было обусловлено многими причинами, среди которых можно выделить катастрофические последствия войн и революций, низкий уровень жизни большинства населения, недостаточное субсидирование правоохранительных органов, рост беспризорности в стране. В качестве объекта исследования автор проанализировал криминальные проявления в повседневной жизни жителей города Саратова, так как этот город обладал типичными признаками крупного советского города эпохи нэпа.

Одной из основных причин, провоцирующих увеличение количества правонарушений в годы нэпа, становится беспризорность, принявшая катастрофические размеры в городах. Беспризорники массово стали появляться на улицах городов после окончания Первой мировой и гражданской войн. По некоторым данным,

к середине 1920-х годов количество беспризорников доходило в Саратовской губернии до 30000 человек [11, с. 67]. Около половины из этого числа обитало в Саратове. Местами их обитания становились чаще всего заброшенные дома.

В журнале «Саратовский Вестник Здравоохранения» под заголовком «Новое общественное бедствие» констатировалось: «Всем жителям Саратова хорошо известно это явление. Сотни детей различных возрастов, ежедневно, с раннего утра, рассеиваются по городу. Тут и маленькие дети, тут и подростки обоего пола. Одни нищенствуют, причём это нищенство имеет определённый характер, со всевозможными ухищрениями и разными приёмами симуляции, вроде неумолкающих криков о помощи, рыданий, вильяний на земле и другого. На предложение идти в детские дома, они под разными предлогами отвечают отказами. Другие бегают по улицам продавая папиросы и конфеты. Поведение последних всегда вызывающее. Они необычайно грубы, отпускают всевозможные остроты, ругаются и дерутся между собой. Обратитесь к представителям юстиции, и вы узнаете от них, что из среды этих детей имеется уже очень много преступников — главным образом воров. Кто эти дети? В большинстве случаев это сироты, не имеющие отца или матери, выкинутые остальными своими родственниками на улицу, для заработка хотя бы указанными способами — спекуляцией, нищенством, воровством. Из таких детей, если не предпринимать меры, будет вырастать всё большее количество преступников. Отсутствие надзора за такими детьми порождает организацию таких детей в шайки (*стиль и пунктуация статьи сохранены. Авт.*)» [13, с. 10].

Наряду с резко увеличивающимся количеством беспризорников, на ухудшение криминогенной ситуации в городе влияло, широко распространившееся в годы нэпа, хулиганство. Криминологи отмечали, что хулиганство было развито в городе всегда, но в период гражданской войны наблюдалось явное его сокращение, так как в городах действовал «военно-коммунистический» порядок (фактически чрезвычайное положение) и посягательство на него было чревато весьма серьёзными последствиями. Кроме этого, контингент лиц, склонных по своему темпераменту к хулиганским проявлениям, отчасти сублимировал свою энергию, как в революционной, так и в контрреволюционной деятельности. С возвращением к мирной жизни число хулиганов резко возросло. Немалую долю в общий процент хулиганства вносили те же беспризорники. Так, в «Протоколах заседаний губпрокуратуры за 1924 — начало 1925 гг.» мы находим следующую просьбу, обращённую к саргубпрокурору со стороны губкоммунотдела: «Губкоммунотдел просит о принятии соответствующих мер к устранению наблюдающегося хулиганства со стороны детей, под-

ростков, цепляющихся за дуги трамвайных вагонов, хватающих верёвку идущую к ролику и бросающих в вагон трамвая лёд и камни. Не имея возможности применить к детям тех репрессий, которые установлены законом в административном порядке на взрослых, а также в законе нет указаний о привлечении родителей или опекунов за недостаточный надзор за детьми. Административный подотдел просит дать по сему надлежащее разъяснение» [6, д. 5, л. 26].

В этих же «Протоколах» мы находим следующее распоряжение губпрокурора: «Просить Губоно (Секция опеки) разработать и предоставить в ГИК, в дополнение к имеющимся обязательным постановлениям ГИК об ответственности за хулиганство и нарушение общественного порядка, проект подобного же обязательного постановления, предусматривающий нарушителями также и детей, имея ввиду, что репрессивные меры в зависимости от возраста несовершеннолетних, должны быть направлены следующим образом: а) в отношении группы до 14 лет — против их родителей и опекунов; б) в отношении группы 14–16 лет — против самих нарушителей через комитет по несовершеннолетним; в) в отношении остальных (старше 16 лет) в общем порядке» [6, д. 5, л. 24]. Данные протоколы со всей очевидностью демонстрируют серьёзность ситуации, сложившейся с хулиганством и беспризорностью в Саратове 1920-х годов. Ситуация становилась настолько критичной, что городские власти рассматривали проекты об ответственности за правонарушения с четырнадцати лет.

Но, конечно, основной процент хулиганов падал не на беспризорных подростков, а на молодых людей в возрасте до 25 лет. Криминологи отмечали, что «хулиганит в основном рабоче-крестьянская молодёжь в возрасте от 18 до 25 лет, и главным образом на почве социальной распущенности, выражающейся в грубой примитивности интересов, в отсутствии культурных запросов и социальной установки, в крайне низком социальном уровне» [8]. Только за 9 месяцев 1925 года в Саратове было задержано за хулиганство 2506 мужчин и 178 женщин. Если мы посмотрим статистику хотя бы за декабрь 1925 года, то увидим, что почти все прошедшие через камеру предварительного заключения за этот месяц хулиганов были в состоянии алкогольного опьянения. В этой же статистике мы находим подтверждение замечания о возрасте хулиганов. Из 50 задержанных за хулиганство только двое были в возрасте свыше 35 лет, а 26 человек не достигали возраста 26 лет [14, с. 19].

Насколько остра была проблема хулиганства для Саратова мы можем судить хотя бы по тому, как об этом асоциальном явлении писала саратовская пресса. На страницах «Саратовских известий» практически ежедневно сообщалось как то тут, то там задержали ху-

лигана. Особенно колоритно проблема хулиганства озвучивалась со страниц саратовского флага сатиры и юмора — журнала «Клещи». Здесь мы, кстати, находим обобщающий, сатирический портрет саратовского хулигана 1920-х годов: «Глядеть на человека он умеет только с трёх сторон: мимо вашего правого уха, ниже глаз и непосредственно в зубы, как бы облюбовывая в какое место ему раньше всего и приятнее двинуть. Появляется он на улице во все часы дня и ночи. По тротуару ходит не спеша. Плевать в урны не любит, да он и не плюёт, а цыкает» [10, с. 2].

Характерным был внешний вид хулигана периода нэпа — брюки клёш, тельняшка, куртка, напоминающая матросский бушлат. Именно в таком одеянии мы можем лицезреть хулигана, запечатлённого в журнале «Клещи» [9, с. 10]. Эти атрибуты хулиганской субкультуры причудливым образом копировали внешний вид матросов первых лет революции. Излюбленным местом сборища хулиганов Саратова был сад «Липки», расположенный в центре города. В журнале «Административная жизнь» мы находим следующее описание этого явления: «Начиная с 5–6 часов вечера ежедневно в сад «Липки» стекается различная публика дабы отдохнуть. До двух — трёх часов ночи на улицах происходит «модное хулиганство». Этому «модному хулиганству» нет пределов и границ. Хулиганы пристают к гуляющим женщинам, выкидывая всевозможные номера для знакомства: подставляя «ножки», коля иглами в спину. В воздухе, вместе с поднятой пылью, висит несмолкаемый «пятиэтажный мат»» [2, с. 9–10].

Одна из главных причин, обусловивших разгул преступности в годы нэпа, была связана с плохим оснащением и нехваткой кадров в саратовской милиции. В «Отчётах и докладах о работе отдела управления милиции и финансового отдела за 1922–23 гг.» мы находим следующее замечание по вопросу снабжения милиции в мае 1922 года: «Милиционеры несвоевременно снабжаются продовольствием и жалованием. Объясняется это отсутствием дензнаков и проресурсов. Как Саратовская городская милиция, так и милиция, работающая в глубине уездов экономически не обеспечена. Это наталкивает милиционеров на взяточничество» [5, д. 886, л. 61].

Такое положение было у саратовской милиции в 1922 году, когда только закончилась гражданская война и страна восстанавливалась после разрухи. Но и в середине двадцатых, в годы стабилизации нэпа, положение саратовской милиции значительно не изменилось. Так, младшие милиционеры получали 23 рубля 51 копейку в месяц, старшие милиционеры чуть больше — 27 рублей 71 копейки в месяц, начальник районного управления милиции, а всего Саратов делился на шесть районов, получал около 70 рублей [1, с. 17].

На 1925 год состав саратовской милиции насчитывал 265 человек. В июле 1924 года в Саратове была также создана ведомственная милиция в штате которой насчитывалось 318 человек [1, с. 18]. Основная задача ведомственной милиции заключалась в охране различного рода имущества, принадлежащего государственным и частным учреждениям и предприятиям. Она также выполняла все обязанности по охране общественного порядка и спокойствия в пределах территорий, занимаемых этими учреждениями и предприятиями. По статусу ведомственная милиция приравнивалась к общегосударственной саратовской милиции. В материальном плане сотрудники ведомственной и общегосударственной милиции находились в одинаковом положении. Проведя нехитрый арифметический расчёт, можно подсчитать, что на каждый район Саратова приходилось по 97 милиционеров. Очевидно, что такого количества сотрудников правопорядка на почти двухсоттысячный город явно не хватало. Таким образом, совокупность факторов, обусловленных малым составом и плохим оснащением саратовской милиции, усугубляли и без того тяжёлую криминогенную обстановку в городе.

После хулиганства наиболее распространёнными были имущественные преступления. Среди представителей преступного мира 1920-х годов существовала преступная специализация. Так, очень часто кражи в Саратове совершались на базаре, когда у приезжих воровали с воза одежду или продукты. Совершающих кражи с возов, как в преступном мире, так и среди сотрудников угрозыска, называли «возушниками» [1, с. 5]. Все мелкие воришки на воровском жаргоне, как и до революции, именовались «шпаной». Популярным в Саратове был следующий вид карманных краж: карманник надевал солдатскую шинель с отрезанными карманами и в момент кражи руки держал в карманных прорезях шинели, так что, совершаемая кража была практически незаметна. Такой приём у воров именовался «ширмой», а использующих его воров называли «ширмачами». Грабежи саратовские криминалисты классифицировали следующим образом: налёт на квартиру, ограбление касс, грабежи на улицах, грабежи на дорогах (по-другому он назывался «взять на стопку», а использующие его преступники именовались «стопщиками») [1, с. 5].

Ещё одной криминальной особенностью жизни города времён нэпа становится формирование во многих полуразрушенных домах воровских притонов. Наряду с упомянутым уже бедственным положением милиции в 1920-е годы, созданию притонов, в опустевших и необслуживаемых домах, способствовало непростое положение в коммунальном хозяйстве городов. Саратовский губкоммуналдел финансово не справлялся с ремонтом и обслуживанием домов, которые находились к нему на балансе, а построены были задолго до октябрьской ре-

волюции 1917 года. В результате запущенные дома оставались без надзора, что было на руку «криминальным элементам», которые организовывали в них притоны.

В «Протоколах заседаний секции коммунального хозяйства Саратовского горсовета» мы находим следующее описание подобных домов-притонов: «В местных газетах, в отделе происшествий периодически появляются заметки о воровстве и хулиганстве на Бабушкином взвозе у Волги. Мы наблюдаем крайне неприглядную картину положения муниципализированных домов, расположенных в квартале от улицы Чернышевского до Волги по Бабушкину взвозу. Этим домовладениям грозит опасность и в пожарном и в санитарном положении от «тёплой компании» профессиональных воров, игроков в карты, проституток, обосновавшихся в полуразрушенном доме № 1 на берегу Волги, который представляет из себя большой деревянный дом (трёхэтажный) с башней (бывший трактир Макарова). Днём, и в особен-

ности ночью, дом этот представляет собой место сбора лиц, не имеющих никаких определённых профессиональных занятий. Почти всегда там можно наблюдать игру в карты и орлянку, разведение огня в самодельной печи, скандалы и присутствие женщин подозрительного поведения» [5, д. 1064, л. 100].

Таким образом, утвердившийся в 1920-е годы курс на реализацию новой экономической политики сформировал у советских граждан новые повседневные практики. Одной из отличительных особенностей эпохи нэпа становится резкое ухудшение криминогенной обстановки в городах. Ухудшение криминогенной обстановки в 1920-е годы было обусловлено многими причинами, среди которых можно особо выделить катастрофические последствия войн и революций, низкий уровень жизни большинства населения, недостаточное субсидирование правоохранительных органов, рост беспорядков в стране.

ЛИТЕРАТУРА

1. Административная жизнь. Орган Административного Отдела Саратовского губисполкома. 1925. № 7.
2. Административная жизнь. 1925. № 9–10.
3. Блонский Л. В. Жилищный вопрос эпохи НЭПа в советском городе и попытки его решения (на примере Саратова) // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия «Гуманитарные науки». — 2017. — № 10. — С. 4–9.
4. Блонский Л. В. Культурно-досуговые практики советских горожан в 1920-е годы (на материалах г. Саратова) // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия «Гуманитарные науки». — 2018. — № 11/2. — С. 18–21.
5. Государственный архив Саратовской области (ГАСО). Ф. 456 (Отдел управления исполнительного комитета Саратовского губернского Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов (1918–1928 гг.)). Оп. 1.
6. ГАСО. ф. 540 (Саратовская губернская прокуратура (1918–1928 гг.)). Оп. 1.
7. Денисова М. А. Повседневная жизнь населения советского провинциального города в 1920-е годы: на материалах города Курска. Автореферат диссертации. Курск, 2010.
8. История СССР. 1989. № 1. С. 86–108.
9. Клещи. Иллюстрированный юмористический журнал. Саратов. 1926. № 1.
10. Клещи. Иллюстрированный юмористический журнал. Саратов. 1926. № 18.
11. Коммунистический путь. Ежемесячный орган Саратовского губкома ВКП(б). 1925. № 34.
12. Лебина Н. Б. Повседневная жизнь советского города: Нормы и аномалии. 1920–1930 годы. СПб., 1999.
13. Саратовский вестник здравоохранения. 1922. № 11.
14. Советское строительство. Орган Административного отдела Саратовского губисполкома. 1926. № 2.

© Блонский Леонид Владимирович (leonidas78@inbox.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»